

УДК 81

Семантическое содержание топонимов «религиозного» происхождения сел Забайкалья (на материалах полевых экспедиций)

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры китайского языка,
Забайкальский государственный университет,
672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александрo-Заводская, 30;
e-mail: rebecca_zab@mail.ru

Аннотация

Цель. Целью статьи является изучение семантического содержания топонимов «религиозного» происхождения сел Забайкалья. **Результаты.** В течение последних 10 лет автор являлся руководителем полевых практик и экспедиционных поездок студентов разных направлений Забайкальского государственного университета с целью сбора микротопонимического материала по региону. Собранный материал представил достаточно обширный и в то же время малоизученный русскоязычный стратиграфический пласт топонимии Восточного Забайкалья. Статья посвящена обсуждению фактов, повлиявших на «появление» топонимов с религиозной семантикой – гор с названиями типа Девятая Пятница, Десятая Пятница, Крестовка, Троица. Анализируются собранные былички про то, каким образом эти названия «объясняют» факт наличия восхождений на эти горы местного населения, причем только женщин, на девятую или десятую пятницу от Пасхи. **Заключение.** Автор делает вывод о том, что женщины проводят обряд «призывания дождя» в целях вызывания дождя. Чрезвычайно актуальным (особенно для сельского русскоязычного населения) является проведение данного обряда в специальных местах, как правило, вблизи сельских поселений. Этими местами местным населением выбраны близлежащие с селом горы, имеющие названия типа Девятая Пятница, Десятая Пятница, Крестовка. Обряд «призывания» дождя у русскоязычного населения сел Восточного Забайкалья имеет типологическое сходство с подобного рода обрядом у бурят. Обрядовое действие направлено на своеобразное «умилостивление» духов как хозяев местности, способных «позволить» свершиться тому, о чем их просят.

Для цитирования в научных исследованиях

Жамсаранова Р.Г. Семантическое содержание топонимов «религиозного» происхождения сел Забайкалья (на материалах полевых экспедиций) // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5В. С. 323-330.

Ключевые слова

Топонимы «религиозного» содержания, Девятая Пятница, Десятая Пятница, топоидеограмма, камень-«завет», обряд обоо(н)-тахилгаан бурят Забайкалья.

Введение

Географическое имя собственное (или топоним) как единица проприальной лексики в своем значении содержит огромный информационный потенциал. При адекватной «расшифровке» топонима, особенно связанного своим языковым происхождением с историческими реалиями давно ушедших социальных, этнических, политических и иных факторов, название объекта представляется в качестве языкового знака. Известно, что экспонентом означаемого в ситуации восприятия топонима как знака является его содержание, которое при дальнейшем анализе способно «высветить» некие ментальные или религиозные установки, имеющие типологически релевантную устойчивость для сознания человека вообще.

Описание

Данная статья посвящена лексико-семантическому анализу микротопонимических названий, русскоязычных по своему происхождению, объединенных общей топоидеогаммой «святое место; место для обращения к Богу, к Судьбе» [Жамсаранова, 2007, 77-81].

Топоним как номинативно-дейктическая единица, функционирующая в определенном региональном сознании, способна представить информацию не только физико-географического характера, но и ментально-психологического. Топонимическое название позволяет «проникнуть» в глубинное самосознание регионального этносообщества.

Практически в каждом исследованном районе Читинской области вблизи населенных пунктов с русскоязычным населением обнаруживались топонимы (в основном оронимы) *Девятая Пятница*, *Десятая Пятница*, *Крестовка*. Как правило, эти названия присвоены высоким, иногда отдельно стоящим горам, сопкам. Подобные названия, казалось бы, семантически понятны и объяснимы из реалий русского языка. Однако детальное изучение топонимических названий с «религиозным» происхождением обнаружило достаточно любопытные моменты жизни и сознания регионального человека.

В Оловянинском районе в с. Турга информаторы А.А. и Т.И. Дорофеевы рассказали нам о близлежащих к селу сопках, имеющих соответствующие названия – г. *Девятая Пятница*, г. *Десятая Пятница*. В определенное время года (в начале лета), а именно на 9-ю и 10-ю пятницу от православной Пасхи на эти горы поднимаются женщины: «...старухи ходят, там крест стоит, туда копейки бросают, шепчут че-то (*что-то*. – Р.Ж.), молятся». Татьяна Ивановна утверждает, что «туда надо идти, обязательно че-то тяжелое нести»¹.

В с. Курунзулай информанты сообщили, что на гору «Девятая Пятница женщины поднимаются с “заветом”, носят туда икону Божьей Матери»². «Заветом» называют предварительно выбранный по тяжести и размерам камень, который и несут вверх, в гору. Из принесенных «заветов-камней» складывается возвышение, бытующее в последующее время как особое молельное, святое место. Размер и вес камня-завета зависят от объема просьбы просящей женщины. Мужчины, как правило, не ходят на эти горы.

Замечено, что в каждом населенном пункте сложились свои, особые традиции и поверья относительно сакральности подобных мест. Уроженец с. Улятуй Оловянинского района П.Ф. Шамшурин говорит, что в окрестностях с. Улятуй есть также две горы – *Десятая Пятница*,

¹ Полевые материалы автора 2007 г.

² Там же.

Девятая Пятница, куда поднимаются и женщины, и старики, и старухи. Заходят люди на эти возвышенные места в «праздничные дни, когда девятая пятница или десятая пятница от Троицы»³.

Одним из составных моментов этой обрядовой деятельности является «испрошение дождя». Эта разновидность ритуализованного «вызова дождя» представляет собой достаточно устойчивое, традиционное для региона сакрализованное ритуальное действие. Засушливый летом, сложный для земледелия климат Забайкалья в некоторые годы уничтожает все посевы зерновых культур, травянистый покров по причине отсутствия осадков. Поэтому одним из обязательных условий выживания человека в Забайкалье становится обряд «испрошения дождя».

Во время полевой практики летом 2005 г. в Шилкинском районе информант О.Л. Золотухина продемонстрировала нам обрядовое действие по «вызыванию/испрошению дождя». Она приготовила дома бутылочку с водой, взяла с собой печенье, конфеты, заранее постаралась вспомнить имя утонувшего односельчанина. Вместе с ней мы поехали на местное кладбище. Там Ольга Лаврентьевна отыскала могилу утопленника, положила на нее принесенные с собой сладости, затем полила могилу водой из бутылочки, что-то приговаривая шепотом при этом действии⁴.

Обсуждение

Наличие топонимов (в основном оронимов) с «религиозной» семантикой – Девятая Пятница, Десятая Пятница, Крестовка или Троица – обусловлено, во-первых, религиозными верованиями русскоязычного населения Забайкалья. По-видимому, подобные топонимы (оронимы), которыми являются названия горы или сопки близлежащих сельских поселений, объяснимы следующим. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» описано наличие у славян средневекового апокрифа о 12 пятницах [Толстой, 1995, т. 1, 383]. У восточных славян, у русских отмечалась пятница на десятой неделе после Пасхи. Называлась Девятая пятница, Девятуха. В этот день «...ходили к кринице, святили воду, макали в воду крест, лили в криницу освященную воду». «У русских Десятая пятница: крестные ходы вокруг полей, водосвятие, кропление лошадей святой водой; запрет работы на лошадях; хождение к источникам» [Толстой, 2009, т. 4, 385].

Во-вторых, у русских утопленник – утонувший или утопившийся человек – причислялся к покойникам «заложным». Другими словами, утопленник считался своеобразным «подношением», «данью» водной стихии. Это древнее верование «...тесно связано с атмосферными явлениями, особенно с осадками. Утопленники способны вызвать дождь, разносить тучи, в которых пребывают их души. Особенно сильна связь между утопленником и засухой, которая наступает, по поверьям, из-за самого факта утопления или из-за того, что утопленники, закопанные в землю, мучаясь сильной жаждой, “высасывают” влагу из земли» [Толстой, 2012, т. 5, 386].

Поэтому к местам захоронения людей, умерших неестественной смертью, было особое отношение. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено наличие разных

³ Там же.

⁴ Полевые материалы автора 2005 г.

способов магического вызывания дождя посредством действий с могилами утонувших или утопившихся людей, среди которых отмечено, к примеру, «поливание могилы водой (иногда крест-накрест)» [Там же, 386].

Очевидно, это сакрализованное действие имеет достаточно явное семантическое наполнение, которое можно представить в виде следующей модели: живой человек профанного мира (с водой) → человек иного мира (утопленник) / человек в воде → духи водного мира → небеса (облака с водой). Связь человека (живого) с миром сакральным (потусторонним) осуществляется при непосредственном «участии» человека мертвого, причем утонувшего (т. е. «понравившегося» водным духам). «Умилостивление» могилы – этого земного последнего места обитания умершего человека – водой и сладостями – это момент взывания к духам-посредникам, которые, в свою очередь, должны «испросить» водной благодати для человека земного у небес. Замечено, что «организм устанавливает корреляции между средой и своим существованием, но реагирует не на прямые сигналы от окружающей среды, а на моделируемый, созданный внутри себя образ мира» [Карасик и др., 2005, 14]. «Дань» утопленнику – это своего рода концептуализация реальной действительности в сознании (или мышлении), рефлексирующей в культуру духовную, отчасти сакральную. В этом проявляется принцип категоризации мира посредством одной из категорий, лежащих в основе мифического мышления согласно Э. Кассиреру, категории количества, когда все и вся является неразличимым целым [Соболева, 2001, 44], т. е. единое целое реализуется в отдельных элементах, случаях и т. п., имея при этом исходную связь.

При этом следует отметить то, что у славян «особая сила приписывалась имени утопленника. Добываясь магического воздействия утопленника на дела живых, к ним обращались по имени» [Толстой, 1995, т. 1, 386], что мы увидели у О.Л. Золотухиной, когда она постаралась заранее припомнить имя утопленника-односельчанина. К тому же в славянской традиции подмечена связь кропления и обливания могилы утопленника как одно из ритуальных действий по вызыванию дождя.

Однако если в традиции славян эти магические обряды проводились с водой, у воды, то в региональной практике мы наблюдаем кропление могилы водой и подношение сладостей как схожее явление. При этом не отмечено совершение обрядовых действий с почитанием высоких мест (ближайшей горы или сопки). Синтаксический аспект этого обряда «испрошения/вызывания дождя» имеет несколько отличное от общеславянских традиций оформление ритуала. Это может быть восхождение на гору *Девятая Пятница*, *Десятая Пятница*, *Крестовка* с иконой, с камнем-заветом. Прагматическая сторона обряда как знакового действия зависит от сложившихся локальных устоев. Как нам кажется, это зависит от специфики регионально-локальной «картины мира». В с. Чиндант Ононского района население не знает и не пользуется подобного рода обрядом «вызывания дождя». Село состоит из 30 дворов, где проживают в основном переселенцы, прибывшие из других регионов России в советское время.

В с. Кокуй-Комогорцево Шилкинского района Е.К. Андроханова сообщила нам, что в окрестностях села есть г. Троица, куда «ходят молиться одни бабы» на Троицу. Не стала рассказывать в деталях, сославшись на то, «что только от старух слышала»⁵.

Отдельного рассмотрения заслуживает одна из составляющих обряда «испрошения дождя» – это камень-завет. Семантическое наполнение выражения «камень-завет» в

⁵ Полевые материалы автора 2005 г.

лингвистическом отношении достаточно прозрачно: завет означает «наставление, совет последователям, потомкам» [Ожегов, Шведова, 2005, 199]. В отношении прилагательного «заветный», который может дополнить анализ выражения «камень-завет», значимым представляется последнее значение «скрываемый от других, тайный» [Там же]. В этнолингвистическом отношении семантика номинации «камень-завет» намного шире и продуктивнее. Жительница с. Гаур Чернышевского района Читинской области Н.Д. Мальцева рассказала, что в селении Старый Олов «...бабы собираются утром и идут пешком на гору. Камни несут на гору. Меня все заставляла сестреница (*двоюродная сестра*. – Р.Ж.) – Ой, ты бы хоть бросила работу, сходила бы, да завет положила. – Я ей грю (*говорю*. – Р.Ж.), кого я буду работу бросать, да бежать. Меня сроду никто и не отпустит. Сильно-то уйти, ведь такого не было, раньше-то, в советско время... – Что такое завет? – Она мне говорила, приди завет попроси. Но, вроде вот завет на ребят (*на детей*. – Р.Ж.). Чтоб жили хорошо, или что... Камни надо было ташшить (*тащить*. – Р.Ж.) в гору. – Сколько? – Один. – А что там с ними делали? – Складывали, видно. Может, там крест стоял. Гора-то Крестовка и называцца (*называется*. – Р.Ж.)»⁶.

Семантика «камня-завета» синкретична с позиции региональной «картины мира» Как уже упоминалось выше, камень должен быть тяжелым. По-видимому, тяжесть камня – это некая материальная трансформация духовных запросов человека. Чем больше просишь, тем тяжелее должен быть камень-завет. Невольно напрашивается еще одна мифо-религиозная параллель, а именно – с образом Иисуса Христа, идущего в гору и несшего на себе тяжелый крест. Вероятность ассоциативной связи человека, идущего на гору и несущего свой тяжелый камень-завет с целью искупления своего «тяжелого креста», очевидна.

Также возможна и другая локально-этнографическая параллель. Традиционная обрядность поклонения и общения с духами на конкретных высоких местах одного из автохтонных народов Забайкалья – бурят – включает в себя помимо прочих и такое действие, как сложение конусообразного сооружения из камней, называемого обоо(н). На обоо(н)е буряты подносят окружающим локус хозяевам-духам сакральную пищу, монеты, шелковые куски ткани (хадак), брызгают молоком, чаем, водкой, совершая таким образом ритуализованное обращение к сильным мира сакрального (духам) посредством подношения материализованных артефактов мира профанного (людей). Данный обряд «обоо(н)» проводится ежегодно летом и по времени совпадает с русским праздником Троица. Летний бурятский праздник обоо(н) посвящен в первую очередь «испрошению/вызыванию дождя» [Бабуева, 2001].

Вербальное обращение к духам осуществляется через испрошение, изложение своей просьбы, желания, подкрепляемого молитвами. Причем это может быть и буддийская молитва на тибетском языке, и христианская на русском языке. Невербальное и вербальное поведение человека и составляет семантику такого знакового ритуального действия, как региональный обряд «испрошения дождя/милости». «Завет» представляет собой духовное обращение/просьбу человека к духам, которые помогут обустроить мир профанный: пролить дождь на землю, чтобы вырос хороший урожай; направить неразумных детей на путь истинный, чтобы жили хорошо и т. д. Камень-завет – это материализованное наставление-наказ детям от матери, это и тайное, скрытое от других желание лучшей доли для детей.

Первичность обряда «испрошения дождя», т. е. просьба устроения обыкновенного положения вещей в природе, когда жаркая, теплая погода сменяется влажной и дождливой,

⁶ Там же.

несомненна. Вторичность «испрошения (личной) милости», связанная с духовным искуплением грехов земного бытия, (неправильное воспитание детей, неправильное поведение и проч.), выраженным через контекст «несения тяжелого камня-завета на высокую гору», также очевидна. Представляется возможным предположить, что «неправильные действия» человека могут (а возможно, что так оно и есть) спровоцировать «недовольство» обитателей мира сакрального, что выражается в изменении благоприятных для человека климатических условий – природной основы его стабильного существования. Для выправления своей участи путем устранения недовольства духов человек должен, преодолевая тяжесть, неудобства, жару, «нести (свой) крест» в виде камня-завета. Подобного рода действия направлены на трансформацию просьб и чаяний в раскаяние, и таким образом грехи его будут «прощены», «отпущены» Богом (Судьбой).

Заключение

Отдельный интерес представляет изучение причин, моделирующих подобные религиозно-обрядовые действия забайкальского русскоязычного населения, в которых отражается синкретизм мировоззрения. Нам представляется, что подобное поведение регионального человека вовсе не обусловлено фактором сосуществования таких этнических сообществ, как русские и буряты, сколь бы заманчивыми ни представлялись они для современных этнологов, религиоведов, искусствоведов, культурологов. Дело в другом, а именно в проявлении синкретизма языческого и теологического миропонимания окружающей природы региональным человеком. Все опрошенные нами информанты утверждают, что их предки считались тунгусами, а ныне они – русские. Поэтому полагаем, что данное обрядовое действие – это трансформация в сознании регионального человека древнего шаманского ритуала обращения к духам с просьбами, переплетенного с поздним влиянием христианских заповедей и норм. Став русскими по образу жизни, русскоязычные забайкальцы не смогли полностью изменить прежние религиозные воззрения, тесно связанные с сакрализованными и одушевленными силами природы. Общеизвестно, что религиозные верования являются наиболее консервативными, а потому малоизменяющимися. По-видимому, этнологические исследования забайкальского населения еще впереди и представляют явную перспективность для будущих научных исследований.

Таким образом, этнолингвистическое изучение региональных топонимов, казалось бы, семантически прозрачных, может обнаружить и представить малоизученные аспекты антропологического, этнографического, культурологического и религиоведческого характера.

Библиография

1. Бабуева В.Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 144 с.
2. Жамсаранова Р.Г. Семиотический дискурс регионального топонима // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения». Чита: ЧитГУ, 2007. Ч. II.
3. Карасик В.И. и др. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. 944 с.
5. Соболева Е.М. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. 152 с.
6. Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.
7. Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.

8. Толстой Н.И. (ред.) Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. 736 с.
9. Haruna A. Rituals and ceremonies accompanying rainmaking among the Guruntum and Bubbure people // *L'homme et l'eau dans le bassin du lac Tchad*. Paris: ORSTOM, 1997. P. 227-239.
10. Ombati M. Rainmaking rituals: song and dance for climate change in the making of livelihoods in Africa // *International journal of modern anthropology*. 2017. Vol. 10. P. 74-96.

The semantic content of the toponyms of "religious" origin in the villages of the Transbaikal region (a case study of field expeditions)

Raisa G. Zhamsaranova

Doctor of Philology,
Professor at the Department of the Chinese language,
Transbaikal State University,
672039, 30, Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russian Federation;
e-mail: rebeca_zab@mail.ru

Abstract

Objective. The article aims to study the semantic content of toponyms of "religious" origin in the villages of the Transbaikal region. **Results.** The material, which has been collected by the author for the last 10 years, is quite an extensive and at the same time unknown Russian stratigraphic layer of the toponyms of Eastern Transbaikalia. The article is devoted to discussing the facts that influenced the "appearance" of toponyms with religious semantics – the mountains named Devyataya Pyatnitsa, Desyataya Pyatnitsa, Krestovka, Troitsa, etc. It analyses the collected stories about the way in which these names "explain" the climbing these mountains by the local female population on the ninth or tenth Friday after Easter. **Conclusion.** Women perform the "rainmaking" ritual. Performing this ritual in special places, usually near villages is extremely relevant (especially for the rural Russian-speaking population). The local residents usually go through the ritual in the nearby mountains named Devyataya Pyatnitsa, Desyataya Pyatnitsa, Krestovka, etc. The "rainmaking" ritual performed by the Russian-speaking population of the villages of Eastern Transbaikalia has typological similarities with this kind of ritual performed by the Buryats. The ritual is aimed at the "propitiation" of the spirits that are able to "allow" good things to happen (the ones they are asked for).

For citation

Zhamsaranova R.G. (2018) Semanticheskoe sodержanie toponimov «religioznogo» proiskhozhdeniya sel Zabaikal'ya (na materialakh polevykh ekspeditsii) [The semantic content of the toponyms of "religious" origin in the villages of the Transbaikal region (a case study of field expeditions)]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5B), pp. 323-330.

Keywords

Toponyms of "religious" origin, Devyataya Pyatnitsa, Desyataya Pyatnitsa, topoideogramme, covenant stone, the rite of oboo(n)-tugilgan of the Buryats in the Transbaikal region.

References

1. Babueva V.D. (2001) *Mir traditsii buryat* [The world of traditions of the Buryats]. Ulan-Ude: Ulzy Publ.
2. Haruna A. (1997) Rituals and ceremonies accompanying rainmaking among the Guruntum and Bubbure people. In: *L'homme et l'eau dans le bassin du lac Tchad*. Paris: ORSTOM, pp. 227-239.
3. Karasik V.I. et al. (2005) *Inaya mental'nost'* [Different mentality]. Moscow: Gnozis Publ.
4. Ombati M. (2017) Rainmaking rituals: song and dance for climate change in the making of livelihoods in Africa. *International journal of modern anthropology*, 10, pp. 74-96.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2005) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow.
6. Soboleva E.M. (2001) *Filosofiya simvolicheskikh form E. Kassirera. Genesis. Osnovnye ponyatiya. Kontekst* [The philosophy of symbolic forms of Ernst Cassirer. Genesis. Basic concepts. Context]. St. Petersburg: Saint Petersburg University.
7. Tolstoi N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. An ethno-linguistic dictionary], Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
8. Tolstoi N.I. (ed.) (2009) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. An ethno-linguistic dictionary], Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
9. Tolstoi N.I. (ed.) (2012) *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities. An ethno-linguistic dictionary], Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
10. Zhamsaranova R.G. (2007) Semioticheskii diskurs regional'nogo toponima [The semiotic discourse of regional toponyms]. *Materialy VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Kulaginskie chteniya"* [Proc. 7th Conf. "Kulagin readings"], Part 2. Chita: Chita State University.